

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АРХИВ

Голенкова З.Т.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Голенкова Зинаида Тихоновна – доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Института социологии РАН, учёный секретарь советской части Проблемной комиссии (E-mail: golenko@isras.ru)

В 50–80 гг. XX в. страны Юго-Восточной Европы начинают развиваться по социалистическому пути, а марксистская идеология занимает доминирующее положение. Страны региона были довольно разные по уровню социально-экономического развития, но в основном это были индустриально-аграрные страны. Они входили в относительно замкнутую международную хозяйственную систему. Большинство из них были членами Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). Это в целом был сложный период для социологии, хотя и в это время в отдельных странах в определённые периоды наблюдалось её бурное развитие. Если сразу после Второй мировой войны в 40-х гг. в ряде стран Восточно-Европейского региона перед социологией встали важнейшие проблемы, связанные со скорейшим восстановлением научно-исследовательского потенциала, разрушенного войной, с концентрацией усилий на жизненно важных сферах общества, то уже с конца 1950-х гг., когда на волне либерализации и разоблачения «культов личности» социология опять оказалась востребованной, вопрос о социальной роли социологов как «активных участников социальной жизни» стал вновь актуальным. Правда, на первых порах социологическая проблематика больше рассматривалась в рамках исторического материализма и ориентировалась преимущественно на макросоциальные проблемы, что объяснялось как идеологическим заказом, так и состоянием теории в этот период. Акцент был смещён в сторону критики западной социологии и на её противопоставление марксистской социологии.

Позже, в 70–80-е гг. XX в. создаётся сеть социологических институтов, центров, учреждений, расширяется издательская база, реализуются

многочисленные эмпирические, в том числе международные проекты, накапливается большой фактический материал, который не всегда согласуется с партийной идеологией и пропагандой.

В 1970-е гг. в центр внимания социологических исследований были поставлены задачи выявления закономерностей социальных преобразований. Первую группу составили изменения в социальной структуре общества; вторую группу обусловила социалистическая индустриализация, которая была призвана преодолеть историческую отсталость стран, наследие «застойного равновесия». Третью группу проблем повлекла за собой культурная революция. В соответствии с основными направлениями социальных преобразований, модернизацией и урбанизацией развивалось и их социологическое осмысление, хотя и не всегда с одинаковым успехом и эффективностью.

Развитие социальной инженерии накладывало особый отпечаток на социологическую науку. Шёл активный процесс институционализации социологии как науки. Спрос на социологическую информацию возрастает. Появляются попытки «расширить» рамки марксистской парадигмы. Так, в ряде стран региона (Польша, Венгрия, Чехословакия, Югославия) появляется стремление обосновать «аутентичный» и «открытый» марксизм, доказывающаяся необходимость расширения исследовательского поля этой парадигмы и примирения её с ведущими западными направлениями в социологии – функционализмом, теорией конфликта, теорией систем и другими. В ряде стран это привело к идеологическому конфликту между социологами, придерживавшимися «ортодоксального» марксизма, и теми, кто выступал за его «обогащение». И всё же политика в большинстве восточноевропейских стран в этот период как бы «подавляет» социологию.

Институционализация социологической науки в странах региона способствовала усилению координации социологических исследований на многосторонней основе. В 1974 г. была создана Проблемная Комиссия академий наук по социологии «Эволюция социальной структуры социалистического общества. Социальное планирование и прогнозирование». Уже само название Комиссии свидетельствует о её основной направленности. В работе Комиссии принимали участие представители научных социологических центров и академических институтов Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, СССР, Чехословакии. В 1984г. Комиссия была переименована в «Социальные процессы при социализме». Основной акцент в её работе делался на изучение актуальных социальных проблем строительства и совершенствования социалистического общества. В центре внимания социологов оказалось семь направлений:

- рабочий класс в социальной структуре общества;
- интеллигенция в социальной структуре общества;
- образование и социальная мобильность;
- формирование социалистического образа жизни;
- демографические процессы и социальная структура;
- планирование и прогнозирование социальных процессов;
- опыт социологических исследований.

Регулярно издавались сборники статей, проводились конференции, круглые столы по различным направлениям. Кроме того, были осуществлены комплексные сравнительные международные исследования: «Сближение рабочего класса и интеллигенции в социалистическом обществе», «Воздействие высшего образования на социальную структуру». Исследования проводились по единой программе и методике. Результаты были опубликованы в монографиях: «Социальное развитие рабочего класса и инженерно-технической интеллигенции в социалистических странах» (М.: 1989); «Молодёжь и высшее образование» (М.: 1984; в 1982 г. на англ. яз. в Софии). В Варшаве на русском языке издавался Информационный бюллетень Комиссии (ежегодник). В 1989 г. было начато издание «Энциклопедического социологического словаря» (с эквивалентами терминов на английском, немецком, французском, чешском, польском, болгарском языках), подготовленного международной редколлегией Комиссии. К сожалению, работа над ним была надолго прервана, и он вышел только в 1998 г. в России.

В работе комиссии большое внимание уделялось методологическим и методическим вопросам сравнительных исследований; вопросам стандартизации переменных и систем социальных показателей.

Проблемная Комиссия, как и многостороннее сотрудничество в целом, были одним из важнейших средств и стимулов для дальнейшего развития и углубления социологических исследований в странах-участницах. Отмечалась общность основных направлений исследований, хотя сохранялись различия в диапазоне исследовательской тематики, в теоретических обоснованиях тех или иных явлений и процессов общественной жизни, в категориальном аппарате. Совместное обсуждение актуальных проблем способствовало более глубокому изучению теоретико-методологических проблем развития социологической науки, анализу отдельных проблем социально-экономического развития, динамики социально-классовой структуры обществ, активизации социологов этого региона на европейском и международном уровнях. Начала активно работать Варненская социологическая школа.

Следует особо отметить, что, начиная с середины 60-х и до 90-х гг.,

плодотворное сотрудничество с социологами стран рассматриваемого региона оказывало заметное влияние на развитие отечественной (советской) социологии. Поэтому рассмотрение этого влияния во многом способствовало более адекватному пониманию развития отечественной социологической мысли в данный период.

В 90-е гг. XX в. и в начале XXI в. страны региона пошли по пути трансформационных преобразований, суть которых по преимуществу сводилась к одновременной попытке строить плюралистическую демократию и рыночную экономику. То есть, к введению свободного рынка для управления государственной экономикой, развитию гражданского общества и замене прежнего принципа интернационализма на принцип национального самоопределения и государственного суверенитета. Принятая по преимуществу неолиберальная модель модернизации во многом привела к усилению социальных конфликтов, сложностям в деятельности возникающих демократических институтов.

На смену доминирующим однопартийным системам в регионе с одной идеологией пришёл политический и культурный плюрализм. Интеграция региона в Европейский союз и его открытость глобальным тенденциям в техническом и экономическом развитии, политике и культуре стали доминирующей линией в развитии. Отмечая эти позитивные сдвиги, нельзя не признать, что текущие процессы носят во многом противоречивый характер из-за одновременного действия двух тенденций – глобализации и модернизации общества и усиления процессов национализации жизни в этой группе стран. Взаимодействие этих тенденций не лишено противоречий и конфликтов. Большинство стран пережили значительный упадок ВВП и уровня жизни, социальную поляризацию и маргинализацию населения. В ряде стран общая направленность к национальному суверенитету этнических и религиозных групп привела к оживлению национал-популистских течений среди населения, стремление к модернизации нередко подменялось возвратом к клановым отношениям, ростом национализма и религиозной нетерпимостью. В результате в 90-х гг. XXв. некоторые страны стали источником нестабильности и напряжённости на континенте. П. Штомпка охарактеризовал метко это состояние как «посттравматический шок и синдром».

Все эти изменения и постоянные социальные трансформации открывали перед социологами уникальные возможности «социальной лаборатории», инициирующей нововведения в теории и в эмпирических исследованиях. Открытость к глобальному миру и науке предоставила социологически новые возможности для коммуникации и сотрудничества и доступ к международным ресурсам. Это способствовало обмену идеями,

теориями, организационным опытом и институциональными стандартами с коллегами из западных стран.

Наблюдавшаяся волна антироссийских и прозападных политических настроений, в первую очередь, в правящих элитах; постепенная ориентация хозяйства на Запад; исчезновение «железного занавеса», отделявшего Восток от Запада; экономический кризис, как результат радикальной трансформации всей социально-экономической системы; конверсия военно-промышленного комплекса, привели в 90-е гг. XX в. во всех странах региона к спаду производства, сокращению занятости, массовой безработице. Некоторые исследователи, тем не менее, отмечают ряд специфических различий между трансформирующимися странами. Восточноевропейские страны сейчас как бы распались на «страны Центральной Европы» и «страны Восточной Европы». Данные эмпирических и аналитических исследований подтверждают деление на страны с неолиберальными режимами (Венгрия, Чехия, Польша) и с неопатриональными режимами (Болгария, Румыния). Модель центральноевропейских стран Л. Селеньи называет «капитализмом без капиталистов», в то время как модель юго-восточноевропейских стран и России определяет как «капиталисты без капитализма».¹ Этот период оказался для социологии весьма противоречивым. Стремление быть частью Европы и освободиться от советского влияния стало основным желанием многих интеллектуалов региона в этот период. И в этих условиях Проблемная комиссия прекратила свою деятельность.

На первых порах социологи активно участвуют в анализе проблем социальной трансформации, но чаще всего в средствах массовой информации. Некоторые из них заняли определённые позиции в законодательных и исполнительных органах власти; другие стали членами различных политических партий, активно участвовавшими в становлении гражданского общества, превратившись в активных акторов трансформационных изменений. Это принесло некоторым из них широкую популярность и повысило престиж социологии в сравнении с другими общественными науками. Казалось, что спрос на социологическую рефлексию в условиях либерализации и демократии должен бы возрасти. Однако этого не произошло. Появилось разочарование и пессимизм. Социологи стали всё больше играть роль сторонних наблюдателей, а не акторов на общественной сцене. Большая, чем прежде, свобода и плюрализм в исследованиях часто наталкиваются на финансовые трудности и коммерциализацию. Сейчас ещё рано судить о том, как социология адаптируется к новым условиям, но ясно, что этот период станет вызо-

¹См.: Poverty under post-communism / L. Szelenyi (Ed.). – Sofia, 2002.

вом для социологии и в интеллектуальном, и в институциональном отношении. Независимо от того, играли ли социологи роль критиков или социальных инженеров («прорабов перестройки») в эпоху реформ, они не сумели предсказать крах социалистического строя. И это одна из причин, породившая ситуацию интеллектуального кризиса.

Кроме того, появились новые трудности, связанные со снижением государственного финансирования исследований практически во всех странах региона. Открытость новым парадигмам, методам и прикладным задачам в условиях часто слабых национальных традиций привели к широкому распространению полипарадигмальных тенденций. Это вообще характерно для мировой социологической науки конца XX – начала XXI в. Но, в условиях аномии, в странах Центральной и Восточной Европы их манифестация стала особенно очевидной.

В то же время в социологической науке наблюдается переориентация, направленная на усиление практической направленности исследований, изучение общественного мнения, маркетинговые исследования. По выражению болгарского социолога Н. Генова, возникла «комбинация эклектизма и профессиональной безответственности» из-за связи некоторых исследователей и их политических предпочтений или экономических интересов.² Сейчас ещё нет полной информации, чтобы иметь достаточное представление о «гражданской» и «государственной» сфере деятельности социологов в различных странах, но есть надежда, что социологи стран Центральной и Восточной Европы смогут справиться с вызовом времени и найти применение своим знаниям и интеллекту в «действующей лаборатории» жизни.

В 90-е гг. XX в. практически во всех странах региона вплоть до наших дней активно исследуются направления и динамика социальных изменений. Проблемы демократии, влияние процессов глобализации на восточноевропейские общества, трансформация общественных отношений, проблемы и перспективы политических преобразований, власти (социология политики), организации и управления, социальные конфликты в трансформирующихся обществах – вот основные вопросы современной социологии. Опросы общественного мнения, исследование электорального поведения, рынка, маркетинг стали повседневной потребностью восточноевропейских обществ, в которых идёт активный процесс формирования гражданских обществ.

Исследования, проводившиеся в этих странах в последнее десятилетие

²Social Sciences in Southeastern Europe. Eds. N. Enova, U. Becker. – Paris-Bonn, 2001. – S. 10.

тие, дают возможность сформулировать проблемы, с которыми сталкиваются страны, вступившие на путь транзита.

Проблема социального времени. Здесь подстерегают две опасности: крайность ретроспективизма, порождающая консервативный фундаментализм, и расщепление исторического процесса на «предысторию» и «подлинную историю» человечества в духе К. Маркса. Другая крайность – «подлинная история» отождествляется не с «коммунизмом» («социализмом»), а с «неолиберализмом» или «посткапитализмом», ведущая к безоглядному трансформизму. Парадокс состоит в том, что вместо обещанного прогресса страны получают откат в прошлое, а народы обращены больше к истории, чем к будущему.

Полиэтноконфессиональный характер общества, попавших в «поворот» социальных перемен. Присутствие этнокультурных меньшинств с иной ценностно-поведенческой стратегией может создать точки реального или потенциального напряжения между ними и титульным в конкретной стране народом. Эту проблему в ряде стран можно переформулировать и как опасность конфликта цивилизаций по линии Запад-Восток. Другими словами, «разность социокультурных потенциалов», исходящая из разных представлений о социокультурной динамике, также угрожает транзитивным процессам. По данным А. Тоффлера, только 2–3 % людей на Земле живут в «будущем», 25 % – «в настоящем», а 70 % – «в прошлом».

Аномия, вызванная распадом прежних идеологических форм, ценностных и поведенческих паттернов. В результате возникает либо идеологический вакуум, заполняемый ситуационными решениями, либо «синтетические» квазиидеологии, «скроенные» из элементов национализма и раскалывающие общество на враждующие группы.

Ускоренная индивидуализация общества с его атомизацией. Внешне этот процесс в транзитных обществах совпадает с индивидуализацией в западных странах, о которой пишет З. Бауман в своём «индивидуализированном обществе». Однако оба внешне сходных процесса идут в разных цивилизационных контекстах. В этих странах социальная атомизация происходит на фоне разрушения старых форм солидарности, структурированности общества, традиционных ценностей, незавершённой модернизации; на Западе – на фоне кризиса институтов (welfare state) постиндустриального социума.

Бедность. Высокий уровень нисходящей социальной мобильности, неизбежный при любой радикальной трансформации общества, порождает массовую бедность во многих постсоциалистических странах, т.е. «экстремальную форму экономического и социального исключения».

Она стала отчасти продуктом демонтажа этатистской модели, бюрократически оформившей принцип социальной защищённости, отчасти – результатом квазилиберальных реформ. Бедность благоприятствует настроениям социальной апатии, разочарованию широких слоёв населения, выпадению незащищённых групп общества из «социальной игры», что, в конечном счёте, ведёт к дестабилизации в обществе. Маргинализация многочисленных групп и социальная полиидентичность также не способствуют ускоренной модернизации.

Слабая циркуляция (мобильность) элит, сказывающаяся на характере социальных преобразований. По мнению аналитиков, бывшая коммунистическая номенклатура, использовавшая свой политический капитал для приобретения богатств, во многом сохранила свои позиции во властной элите, особенно на первом этапе. Другой затрудняющий циркуляцию сегмент в элите – люмпен или компрадорская буржуазия, тесно связанная с «мафиократией» и «компрадорской интеллигенцией». Именно эти слои заинтересованы в «зависимой модернизации», явно или неявно предполагающей *status quo* в обществе. Всё это порождает разнообразные парадоксы в развитии этих обществ.¹ Отвечая на вопрос о том, почему такие общества сталкиваются с угрозами, нужно учитывать как внутренние, так и внешние факторы. Однопартийный авторитаризм, монополия государства в обществе, его закрытый характер, ориентация модернизации не на мировые стандарты, а на задачи национального выживания повлияли на драматический характер перехода бывших социалистических стран к открытому обществу в условиях глобализации. Сформировавшийся при «реальном социализме» тип личности «обыкновенного человека», зависимого от государства, также не благоприятствовал успешному исходу транзита. Тень «великого инквизитора» Достоевского слишком долго нависала над «реальным социализмом», чтобы можно было легко и быстро выйти из неё.

Но есть и внешние причины. Заимствованные из либеральной культуры идеологические и социально-экономические формы, попавшие в инородную для них среду, дают «кентавризмы» (В.А. Ядов) и «парадоксальных людей» (Ж.Т. Тощенко) – результаты, обратные тем, на которые рассчитывали инициаторы реформ.

¹См. З.Т. Голенкова. «Парадоксы трансформирующихся обществ». Власть. № 12. 2012.